

Губернатор князь Григорий Семенович Волконский

Он прибыл в 1803 году на смену губернатора Николая Николаевича Бахметева, управлявшего краем с 1798 года. Осталась слава о нём, как о гонителе и притеснителе казачества. В те годы казаки жили в плохеньких домиках. Силой выселять их в Форштадт Бахметев считал делом незаконным, но придумал "хитрый ход" - им были созданы специальные команды, которые поджигали кварталы с ветхими домами. После пожара погорельцы выселялись в Форштадт. Практически о каждом губернаторе, управлявшем нашим краем в народе слагались легенды. Но такого их количества, которые остались после правления Волконского, не оставил ни один из губернаторов! Его странности и привычки вошли заметной страницей в легенды и предания нашего края.

Говорят, что по городу он ходил в ночном колпаке, спальной куртке, простых панталонах, ни чем не отличаясь от рядового обывателя. Ему ничего не стоило на глазах горожан подойти к забору, повернуться к прохожим спиной и.... Но если на его пути встречалась молоденькая женщина, останавливался и непременно интересовался не обижает ли ^{ее} кто, целовал ~~ее~~ и награждал деньгами, которые носил за ним лакей.

= КАК ТОСТ "ЗА ВЕРНЫХ И ПРЕКРАСНЫХ ДАМ" У НАС ,
А НЕ ВО ФРАНЦИИ НАРОДИЛСЯ =

Как-то в обеденный перерыв подошел ко мне Александр Иванович Щербаков, ~~подробности о котором были рассказаны в очерке "Единица измерения - овраг"~~ и, как всегда, начал с вопроса: "А известно ли мне почему в русском обществе принято первый тост поднимать "За верных и прекрасных дам"? Не, ты чуешь - именно у русских, а не у французов, как это принято сейчас считать? Я честно признался, что из всего многообразия тостов мне известен только один: "За твоё ^{"Тоб же"} здоровье!", но слышал, что у народов Кавказа первый тост принято поднимать "За здоровье матери!", а второй - "За Родину!"

Саня-Ваня слегка покачал головой, словно подумал "эх ты, недотёпа",

улыбнулся и неспеша, начал свой рассказ:

- В старину, эдак более ста лет тому назад, правил нашим краем сиятельный граф Григорий Семёнович Волконский, по себе оставивший память отменного чудака. Но была у него одна страсть - в особо торжественные дни, а таковыми для него являлись дни приезда его жены с семьёй, устраивать торжественные балы. Тут выставлялись бочки с вином и пивом, на ногах стояли целиком зажаренные быки и бараны. Но самое главное, такие балы всегда сопровождались фантастическим фейерверком. Так было и в тот раз - пиротехники старались во всю - ночное небо озаряли цветные сполохи рукотворного пиротехнического дождя, огненных стрел и причудливых змей. Народ ликовал, неистовым восторгом выражая своё восхищение мастерству и необыкновенной выдумке устроителей столь редкого для степного городка зрелища.

Ликовали, но не все... Немного в стороне от всех, если внимательно присмотреться, можно было заметить одинокую женскую фигуру молодой вдовы Варвары Мансуровой. Общий праздник её не радовал. Рано потеряв мужа, она не могла забыть прикосновений его ласковых рук, тепла его дыхания, любящего сердца и тела... Она продолжала его любить, соблюдая верность единой данной клятве. Если б в тот момент там кто-нибудь стоял бы рядом и внимательно пригляделся к ней - обязательно заметил две жемчужины-слезы, оставивших мокрый след на её щеках. Варвара даже в цветных сполохах фейерверка видела лицо любимого... Вот в небо устремился снап огненных змей, оставивших причудливые хвосты. Но один из них, взвившийся выше всех, внезапно стал отклоняться и, пролетев почти весь город, рассыпался над городским кладбищем. Варвара, взглядом провожавшая его, вдруг подумала - так это же ~~знамение~~ знамение! Мучу там скучно одному, а я здесь, среди веселящейся толпы людей! Как же я смогла смотреть на это, когда он там ... один? Незаметила она и того, как ноги понесли её вслед за огненным змеем на окраину города. Несмотря на темноту, Варваре было не страшно - к любимому её вела любовь. И потому могилу нашла сразу, медленно опустилась на колени и со словами "Прости! Прости меня грешную", обняла

могильный холмик и зарыдала. Зарыдала громко. В голос. По бабьи! Затем её рыданье перешло толи в стон, толи в вой... Подняв голову и устремив взор на могильный крест, вдруг разом смолкла - какое-то зелено-вато-синее облачко ярко осветило его. Оно мерцало, переливалось какими-то оттенками, меняло свою форму, затем увидела в нём чей-то лик... Пригляделась, затаив дыхание... Вдруг узнала - то был её единственный, ненаглядный и желанный супруг! И тут же услышала приглушенный голос:

- За верность твою и любовь неземную, жди меня дома! К полуночи только окно в горницу отворяй! Не пугайся, если увидишь огненного змея - тоя в его облике входить буду в наш дом. Не бойся змея!... Жди меня... Постоянно жди-и!...

И облако исчезло...

Много лет прошло с того праздника. Князь Волконский покинул Оренбург. Не стало и тех пиротехников, запускаящих огненных змеев. Но обыватели говорили, что муж Варвары в облике огненного змея не раз прилетал к ней в дом, что то было наградой за преданность и женскую верность.

В те годы легенда эта была известна многим. Мне дед рассказывал её. Но убеждал, что то не легенда, то быль. Вот почему в Оренбурге, в станах офицерского собрания, позднее и в доме дворянского собрания всегда первым был тост: "За верных и прекрасных дам!"

А породил его тот фейерверк в Оренбурге, а еще вовсе не французы!
- Ты чуешь! Так-то вот в те годы верность женскую ценили и даже должным путем её отмечали!

= КАК КНЯЗЯ СВЯТАЯ ИКОНА ПОДВЕЛА =

Наша экспедиция на ночлег остановилась на берегу Урала, недалеко от станицы Верхнеозёрной. Пока мы готовили ужин, знаток истории нашего края и великолепный рассказчик Сергей Александрович Попов, поведал поучительную легенду. Вот как я её запомнил:

Канцелярия Оренбургского военного губернатора князя Григория Семёновича Волконского, по установившейся традиции, к определённом дню по церковному календарю или к какому-то престольному празднику собирала и обрабатывала списки лиц, представленных к продвижению по службе властью губернатора или представления к наградам от имени Его Императорского Величества. Об этом дне в Оренбургской губернии, в те годы, знали многие. Знали также и то, что успешное решение дела целиком зависело от начальника губернаторской канцелярии некоего Алексея Терентьевича Ермолаева, готовившего на подпись князю Волконскому списки лиц, представленных к наградам. Вот почему "просители и сонскатели" приходили к Ермолаеву не с пустыми руками. Подношения начальник канцелярии брал весьма охотно, видимо руководствуясь заповедью "Да не оскудеет рука дающего!" Он не боялся заверить щедрого ходока, что просьба его обязательно будет выполнена. Надо сказать, что обещания свои он всегда выполнял. А причиной тому была одна причуда престарелого князя, хорошо известная Ермолаеву. Дело в том, что набожный Григорий Семенович Волконский, дабы не ошибиться в подписи бумаги, в существе дела, в ней изложенной, прежде чем утвердить её, клал не читая на ночь за святую икону, видимо следуя русской поговорке "Бог не выдаст..." Утром же, едва восстав от сна, перекрестясь на святую икону, не читая всё подписывал. Долго для князя всё шло благополучно. И надо же было так случиться, что у Волконского толи заболел, толи был куда-то послан его адъютант. Про то история умалчивает. Но известно, что на эту должность временно был назначен ~~какой-то~~ гражданский чиновник из обрусевших немцев - Отто Фишман. Ему было вменено принимать и отправлять всю корреспонден-

денцию канцелярии ~~князя~~ военного губернатора. На эту должность Волконский назначил его за каллиграфический почерк. За время службы в канцелярии, Отто не переставал удивляться способностям Ермолаева "без нажима" приношения получать. И не малые! Вот, думал Отто, ходит тот "в чинах", службой себя не утруждает, а доход завидный имеет! То ли я - чинов высоких нет, доходов тоже - не ахти. Зато работы и обязанностей - не в проворот! И не замечен, и жалованье невелико! Так рассуждал наш герой подписывая своим каллиграфическим почерком очередной пакет и вкладывая в него бумаги. Развернул одну, адресованную канцелярии Его Императорского Величества. А на ней - представления к производству на высокие офицерские звания, на новые назначения в действующие полки! Мелькнула коварная мысль - в подписанном Волконским представлении осталось место ещё для одной фамилии...

Прошло какое-то время. В канцелярию военного губернатора прибыл фельдегер с пакетом. Принял его Отто. Вскрыл, чтобы зарегистрировать. А из пакета назначение выпало - Отто Фишман назначен в полк на Кавказ в звании секунд-майора! Время близилось к обеду. В кабинет Его сиятельства князя Волконского, зашел чиновник канцелярии и подал прошение об увольнении от должности. Князь прошение подписал и отправился обедать. Потом был приём заявителей... Лишь на следующее утро Волконскому подали пришедшие бумаги, посланные им, князем и военным губернатором списки на утверждение Императором, списки, всю ночь пролежавшие за святой иконой. В самом низу списка обнаружил он не только присвоение Императором его чиновнику высокого офицерского чина, но и назначение того в действующий полк на Кавказ!

Страшно разгневался Григорий Семенович такой проделке. Как же, не только его - военного губернатора, но и святую икону провели!

- Повешу нахала! Повешу подлеца и конец! Государь-батюшка простит меня старика!" - с этими словами послал вестового за чиновником.

- Ваше сиятельство! Согласно приказу Его Императорского Величества, господин Отто Фишман изволили отбыть ещё вчера к новому месту службы! - отрапортовал вестовой.

Говорят, что когда Волконский прибыл на Кавказ к месту ссылки своего сына, узнал, что герой нашего рассказа отличился в боях и "вышел" в полковники. А там война с французами началась. Отличился Фишман и там - французский отряд не только в засаду заманил, но и их генерала в плен взял, вместе с гренадерами! За то и сам в генералы был произведен. А как окончилась война победой над французом, Император в Сибирь его послал. На должность военного губернатора. Там и дожил до глубокой старости. А вот с Волконским Бог его больше не свёл.

Видимо с того случая и родилась поговорка - "Бог-то бог, да и сам не будь плох!"

иш Не сплеховал чиновник. Вот какие случаи в старину бывали!

Закончил Сергей Александрович свой рассказ, мы закончили пропахший дымом полевого костра, свой ужин. Но так ли всё это было на самом деле - утверждать не могу, не знаю. Легенда она на то и легенда, чтоб пытливому уму пищу дать!